

Подготовлено редакцией

Адвокаты добились освобождения обвиняемого, опознанного по запаху

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- Как защита аргументировала незаконность проведенного по делу опознания
- Какие нарушения, допущенные следователем и судьей, послужили основанием для отмены приговора

В своем интервью «УП», опубликованном в прошлом номере, заместитель председателя Московского городского суда Д. А. Фомин, рассказывая о нарушениях закона следователями и судами, привел пример одного уголовного дела (с. 18). Житель Москвы Михаил Антонов¹ был обвинен в покушении на изнасилование несовершеннолетней девочки и осужден районным судом на 8 лет лишения свободы.

Адвокаты, которые сумели добиться отмены обвинительного приговора, представили редакции копии документов по данному делу. С их помощью удалось понять, на чем строились обвинение и приговор суда первой инстанции. Забегая немного вперед, следует сказать, что ничем иным, как вопиющим незнанием закона, желанием любой ценой не допустить оправдатель-

ного приговора, объяснить такие нарушения по делу нельзя. Но апелляция не позволила неправосудному решению остаться в силе.

Покушение на изнасилование

В мае 2014 года в одном из южных районов Москвы компания молодых людей распивала спиртные напитки. Среди них были Надежда Рашкина, Людмила Паткина, Ирина Стулова, Михаил Антонов и его приятель Евгений Сидоров. Распитие происходило в беседке внутреннего двора рядом с женским общежитием, где проживала Рашкина со своей дочерью Алиной. Когда застолье было в разгаре, Алина подошла к своей матери и попросила пойти домой (было примерно 23.00). Рашкина сначала ушла с дочерью, но быстро вернулась к компании. Когда спиртное закончилось, Надежда Рашкина попро-

1 Здесь и далее имена и фамилии участников дела изменены.

сила Антонова купить еще бутылку водки и дала ему деньги. Пока Антонов ходил за водкой, компания поредела: остались только Рашкина и Сидоров. Они продолжили выпивать втроем. Потом Сидоров направился домой, а через какое-то время уже разошлись по своим домам Рашкина и Антонов. Это было около 02.00 ночи. Михаил Антонов жил примерно в 500 м от женского общежития в доме со своей семьей.

Ночью на Алину Рашкину было совершено нападение. Как она показала на допросе, они жили на первом этаже, форточки и двери в ее комнате оставались открытыми, она ждала, когда вернется мать. Не дождавшись ее, Алина заснула, но проснулась среди ночи от того, что почувствовала на своем лице какой-то предмет, напоминающий тряпку. На нее напал мужчина, он пытался сорвать с нее шорты. Его лицо было скрыто шарфом. Она оказала сопротивление, вырвалась от него, подбежала к двери и включила свет. В этот момент она увидела, как нападавший полез в окно, спрыгнул с него и убежал.

Со слов девочки, нападавший порвал ей шорты. Кроме того, у нее пропал телефон, подаренный отцом. Она предположила, что его украл этот же мужчина.

После этого соседи помогли ей, дозвонились до ее отца, который жил в другом городе. Отец приехал и на следующий день вместе с дочерью они обратились в полицию. На момент нападения Алине исполнилось 14 лет.

Оперативники отреагировали на заявление девочки быстро и «тщательно». На следующий же день они нашли тех, с кем накануне выпивала мать Алины. Несмотря на то что с самого начала и до конца девочка говорила, что не видела лица нападавшего, а смутно запомнила только рисунок его шарфа, они предъявили ей на опознание Михаила Антонова. Алина опознала Антонова по запаху алкоголя и голосу. Она рассказала, что в тот момент, когда нападавший пытался изнасиловать ее, он сказал ей что хочет вступить с ней

в половую связь. При этом ранее, когда она подходила, чтобы позвать мать домой, именно Антонов якобы предложил к ним присоединиться и грубо попытался дотронуться до нее.

Этих показаний хватило, чтобы Антонова сразу же взяли под стражу и предъявили обвинение в совершении покушения на изнасилование несовершеннолетней (ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ).

Позиция и доказательства обвинения

К концу расследования уголовного дела, как, впрочем, и в его начале, в арсенале обвинения были только показания потерпевшей. При этом на формулировки в протоколах допроса девочки позже обратят внимание адвокаты Антонова.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА. «...по существу уголовного дела могу показать следующее. К ранее данным мной показаниям хочу добавить, что телефон, который, как я подозреваю, забрал у меня Антонов, был приобретен моим отцом <...> и подарен мне. Телефон марки <...> Номера imei остались на коробке телефона, копию с названием модели телефона, копию чека на телефон и копию номеров imei я желаю приобщить к протоколу допроса <...>

Также желаю дополнить, что во время очной ставки с Антоновым я подтвердила свои убеждения в том, что он именно тот человек, который пытался меня изнасиловать. Во время очной ставки я слышала от него длительные фразы в разных голосовых модуляциях и могу еще раз с уверенностью подтвердить, что голос Антонова — это голос мужчины, который пытался меня изнасиловать, кроме того, повторяюсь, что когда Антонов находился вплотную ко мне, я узнала его по характерному запаху смеси тела, алкоголя и сигарет, тот же запах я чувствовала от Антонова, когда я стояла около стола и звала мать, а он взял меня за руку...».

В отношении потерпевшей были проведены две судебные экспертизы. Судебно-медицинская экспертиза подтвердила, что

девочка не подвергалась какому-либо сексуальному насилию. В суде первой инстанции по ходатайству защиты была назначены и проведена амбулаторная комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Перед группой экспертов были поставлены вопросы о психическом здоровье и возможности в силу возраста адекватно воспринимать характер и значение совершенных в отношении нее противоправных действий. Кроме того, целью экспертизы было вывить, не могла ли потерпевшая выдумать всю историю с изнасилованием, а потом стыдиться в этом признаться. Для этого был задан вопрос: не обнаруживает ли Алина признаков повышенной внушаемости и повышенной склонности к фантазированию? Однако все выводы экспертов-психологов сыграли на руку обвинению, так как никаких признаков склонности к фантазированию и неадекватному восприятию реальности они не обнаружили.

Среди доказательств обвинения были также документы, касающиеся шарфа. При личном досмотре Антонова следствие обнаружило какой-то шарф и изъяло его, а позже представило на осмотр потерпевшей, которая, разумеется, тут же его опознала, как похожий. Впрочем, из данных ею показаний относительно описания шарфа вряд ли можно было бы с уверенностью говорить, что изъят именно тот шарф. Так, девочка показала, что «шарф был темного цвета, клетчатый узор был образован пересечениями линий светлого и какого-то более темного цвета, сам шарф казался черным». Но следствие это не смутило.

Не смутил следователя и тот факт, что назначенная им же дактилоскопическая экспертиза опровергла версию о том, что именно Антонов выпрыгнул из окна комнаты, где было совершено нападение на Алину. При осмотре места происшествия эксперты сделали слепок отпечатков пальцев с подоконника. Но экспертиза пришла к выводу, что эти отпечатки Михаилу Антонову не принадлежат.

Следствием также не были приняты во внимание показания родных Антонова о том, что во время совершения преступления он был дома. Как и свидетельства других выпивавших вместе с ним о том, что Антонов дружелюбный и негрубый по характеру человек.

Наконец, странности возникли с пропавшим у девочки телефоном. Следователь выделил эпизод с телефоном в отдельное уголовное дело о краже. Защита обратит на это внимание и укажет на то, что в нарушение ст. 186.1 УПК РФ следователь даже не предпринял попыток установить местонахождение телефона. Поскольку у Антонова найти мобильный не удалось, для него осталось обвинение в попытке изнасилования.

Позиция защиты

Отметим, что действия защитников, участвовавших в уголовном деле на этапе предварительного расследования и в суде первой инстанции, не возымели практически никакого эффекта. Только защитники Елена Львова и Алексей Салмин, которые вступили в дело после того как районный суд вынес обвинительный приговор, смогли переломить ситуацию.

Прежде чем описать действия и аргументы защитников, которые они подготовили для апелляции, коротко отметим выводы суда первой инстанции. Из приговора было очевидно, что суд не прислушался ни к одному из доводов обвиняемого и его адвоката, формально подошел к оценке доказательств. Все показания об алиби подсудимого, о недостатках в доказательной базе суд отвергал со ссылкой на противоречия показаниям потерпевшей об опознании Антонова по «голосу и запаху». Кроме того, суд не обратил внимание на то, что в судебном заседании потерпевшая выразила сомнение, что Михаил Антонов именно тот человек, который напал на нее. Суд посчитал это лишь забывчивостью из-за довольно

ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ

большого промежутка времени, прошедшего с момента событий.

Адвокатское расследование. Чтобы разобраться в ситуации, адвокаты провели свое расследование, насколько это позволили сделать обстоятельства.

В частности, они смогли посетить и сфотографировать комнату Алины Рашкиной. Это позволило понять обстановку и сопоставить ее с показаниями девочки. Из ее первичных показаний следовало, что нападавший навалился на нее сверху, а затем пытался снять с нее шорты сзади. Однако комната в общежитии была настолько тесной, что сделать это без того, чтобы не оставить каких-либо следов борьбы или частиц одежды, было невозможно. Фотографии

этой комнаты были приложены к апелляционной жалобе, в которой адвокаты указали, что «использование современных методов исследования позволяет с высокой точностью обнаруживать следы преступления на месте происшествия... Например, РФЦСЭ при Минюсте России имеет возможность проводить криминалистическую экспертизу объектов волокнистой природы, с помощью которой может быть установлен факт контактного взаимодействия двух комплектов одежды, что с высокой долей вероятности позволило бы установить причастность того или иного лица к совершенному преступлению».

«**Липовые**» понятые. Далее адвокат Алексей Салмин смог найти и опросить понятых,

«Мы ничего не знаем о том, что стало с этим уголовным делом»

Елена Юлиановна Львова, к. ю. н., адвокат, руководитель практики уголовного судопроизводства юридической фирмы «ЮСТ» (г. Москва)

Алексей Геннадьевич Салмин, адвокат юридической фирмы «ЮСТ», защитник по делу (г. Москва)

— Как Вы считаете, почему только в апелляции удалось доказать очевидное и что именно позволило не оставить незаконное решение суда в силе?

Елена Львова: На практике случается так, что родственники и сам подсудимый отчаиваются, не верят, что можно добиться справедливого решения, и с какого-то момента перестают бороться. У всех на слуху пресловутый обвинительный уклон суда. Но когда у самого обвиняемого есть воля и союзник, который намерен добиться правды, тогда ситуацию можно изменить. В этом деле родная сестра подзащитного смогла убедить не только нас в незаконности обвинения, но и помогла нам в работе. В частности в сборе характеристик на доверителя. В конечном итоге нам удалось добыть свидетельства более десятка людей, которые как в один голос говорили о том, что наш подзащитный совсем не тот человек, каким его представило следствие. Были представлены и приобщены к материалам дела характеристики с прежнего места работы, соседей и т. д.

Алексей Салмин: Можно добавить также, что с самого начала смутило достаточно серьезное наказание в виде 8 лет лишения свободы за покушение, пусть и на особо тяжкое преступление.

которые якобы участвовали в ходе выемки личных вещей Михаила Антонова. Опрос одного из них был проведен письменно и он четко ответил адвокату, что «в данном следственном действии не принимал участие, а подпись в протоколе не его». Аналогичные пояснения дал и второй понятой, но сообщил адвокату, что не станет делать это публично, так как «ему не нужны проблемы с правоохранительными органами». Как пояснил адвокат, второй понятой был гражданином Белоруссии и приехал в Россию на заработки. Напуганный нравами полицейских, он не хотел стать объектом возможных проверок против него.

Проблемы с голосом и запахом. Основные доводы адвокатов о несурзности обвине-

ния касались ключевого доказательства — опознания Антонова по голосу и запаху. В апелляционной жалобе адвокаты отметили, что «судом оставлено без надлежащей правовой оценки то обстоятельство, что голос человека, когда он говорит, прикрываясь шарфом, отличен от голоса того же человека, не прикрытого шарфом». Кроме того, защитники обратили внимание на то, что на момент освидетельствования Алина Рашкина обучалась в 7 классе. С учетом этого у защиты возникли сомнения относительно ее показаний. В частности, слова девочки в протоколах содержали обороты и термины, которые ребенок в 14-летнем возрасте вряд ли может понять. Чего стоило хотя бы выражение об опознании Антонова «по голосовым модуляциям».

Потом уже, после прочтения приговора стало понятно, что обвинение практически основано на предположениях ребенка.

— В подобных делах всегда остается сомнение: зачем ребенку оговаривать конкретного человека? У вас есть предположение о мотивах девочки?

Елена Львова: В своей жалобе мы указали, что, возможно, девочка испытывала сильную неприязнь ко всем, кто употреблял спиртное с ее матерью. Это могла быть своеобразная месть всем тем мужчинам, которые вовлекали, как ей казалось, в маргинальный образ жизни ее маму.

Кроме того, ситуацию не хотел оставлять без должной реакции отец девочки. Его можно было понять, он был намерен защитить своего ребенка, ведь мать все время практически оставалась в стороне от процесса.

Алексей Салмин: Вместе с тем отец девочки, видимо, когда тоже начал сомневаться в том, что полиция задержала настоящего виновного, сам

постарался выяснить у дочери, уверена ли она в том, что показывает на того человека.

Но я бы также не стал сбрасывать со счетов возможности «убеждения», которыми обладают оперативники.

— Уголовное дело было возвращено прокурору. Какова его судьба на сегодня?

Елена Львова: Самое интересное, что ни мы, ни наш подзащитный ничего не знаем о том, что стало с этим уголовным делом. После его возвращения никто с нами или доверителем больше не общался, прошел уже год.

Алексей Салмин: Очевидно, суд принял компромиссное решение. Когда апелляции не хочется выносить итоговое решение, в данном случае явный оправдательный приговор, дело возвращается прокурору, и уже где-то в недрах следствия по-тихому прекращается. При этом, безусловно, трудно переоценить то, с каким вниманием апелляция отнеслась к нашим доводам. Не было уверенности в таком решении, несмотря на очевидную незаконность приговора.

Также адвокаты отметили, что «следователь избавил себя от обязанности допросить потерпевшую о том, чем голос Антонова отличается от голоса других мужчин, чем запах алкоголя, исходившего от нападавшего на нее человека, отличается от запаха алкоголя любого другого человека».

Пропавший телефон. Защитники не оставили без внимания отсутствие какой-либо информации о результатах расследования уголовного дела о краже телефона. Адвокаты отметили, что не понятна причина, по которой «ни органами предварительного расследования, ни судом не проведен комплекс мероприятий по похищенному сотовому телефону, направленный на сбор информации об использовании телекоммуникационных услуг, так называемый биллинг».

Незаконный свидетель. Дабы указать среди прочего на процессуальные нарушения, допущенные судом, адвокаты отметили, что по уголовному делу в качестве представителя потерпевшего был допущен отец девочки. Однако в нарушение ст. 72 УПК РФ законный представитель не был подвергнут отводу, поскольку он неоднократно допрашивался на предварительном расследовании и его показания включены в перечень доказательств, подтверждающих обвинение. Как отметили адвокаты в жалобе, ст. 74 УПК РФ закрепляет исчерпывающий перечень доказательств по уголовному делу и не предусматривает доказательства в виде показаний представителя потерпевшего. Отец девочки был допрошен по процедуре допроса свидетеля, в том числе и в суде. Юридически и фактически его показания представляли собой показания свидетеля. Таким образом, решили защитники, «участие лица в производстве по уголовному делу в качестве свидетеля является обстоятельством, исключающим его последующее участие в данном

уголовном деле в качестве законного представителя потерпевшего».

Отмена приговора

Московский городской суд не оставил без внимания те доводы, которые привели адвокаты. Апелляционная коллегия не только хорошо ознакомилась с жалобой, но и выслушала в судебном заседании дополнительные аргументы.

Примечательно, что против оставления приговора в силу возражал и прокурор. Он просил вернуть дело на новое разбирательство. Но приговор был отменен, а дело возвращено прокурору. Суд разъяснил, что УПК подразумевает под опознанием

ИЗ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ. «... органами следствия версия осужденного и его алиби не проверены, из показаний потерпевшей, изложенных в обвинительном заключении, а также ее показаний, данных в ходе судебного разбирательства, следует, что она опознала Антонова как лицо, совершившее в отношении нее преступление, по голосу и запаху, при этом предусмотренное ст. 193 УПК РФ следственное действие — предъявление лица для опознания органом предварительного расследования — проведено не было, как и не было установлено, по каким признакам и особенностям, в том числе голоса Антонова, потерпевшая его узнала. Впоследствии потерпевшая в судебном заседании изменила свои показания, сообщив, что не уверена, что именно Антонов совершил в отношении нее преступление...».

Приняв решение о возвращении дела прокурору, апелляция освободила обвиняемого из-под стражи в зале суда и не стала избирать ему какую-либо меру пресечения. К тому времени обвиняемый просидел в СИЗО почти год. ■

Апелляционное определение по данному делу доступно в электронной версии журнала по адресу: e.ugpr.ru